

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ

Известия. — 1994. — г.дек. — с. 10.

САМ СЕБЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Послесловие Юрия РОСТА к программе «Сентиментальное путешествие на Пинегу»

— Когда «Конюшня Роста» только начиналась, зрители решили, что вы будете рассказывать о некоторых интересных историях, связанных с героями ваших фотографий, приглашать в гости к себе в мастерскую друзей — их у вас много, ну а некая творческая группа будет следить за происходящим и все снимать. А вы стали много и разнообразно путешествовать. Даже прыгнули на Аляску. Что, замысел изменился?

— Нет-нет. Все так и задумывалось. В «Конюшне» предполагалось и стойло, и манеж, и рысистые испытания. Понятно, да? Тихий разговор с одним собеседником или рассказ о фотографиях — из мастерской, то есть — из стойла. Более шумная и массовая беседа с группой людей — манеж. А рысистые испытания — поездка, новые или старые люди, разговоры.

— Телевидение, в общем-то, не очень похоже на то, что делаете вы. Сейчас стараются создать ощущение бойкости, темпа. Много суетятся в кадре, ведущий «тянет одеяло на себя». А у вас такие длинные интервью, монологов много... Вы не боитесь быть «неמודным»?

— Нет. В современном телевидении человек выдается на экран в упакованном виде, как «Сникерс». Вкус большей частью синтезирован. Мне бы хотелось назвать то, что я делаю, «наивным витализмом». Это когда у тебя нет группы — ни звукорежиссера, ни оператора, ни режиссера, — ну нет их. И все делаешь сам от начала до конца. Получается витализм. То есть жизнь. Вот в передаче из Архангельской области люди говорят все, что угодно. Две старухи полностью разобрали нашу внутреннюю, а также внешнюю политику. Я даже трусливо в конце передачи сделал автоинтервью. Приперся на берег Пинеги. Один. Поставил на треногу камеру и объяснил этой камере, как бы оправдываясь перед ней, что, мол, автор за высказывания своих героев ответственности не несет и что он не вполне согласен с бабкой, которая сказала, что у одного популярного политика «мясной подрывник». Ну он что, виноват? И поэтому я честно ввел на это выражение цензуру.

— Только что прошли три ваши передачи о путешествии на Пинегу. Расскажете подробнее, как все происходило.

— А происходило все это так. Надо начинать с Архангельска. Поезд, на котором я ехал дальше, уходил вечером. Деваться мне некуда было, я ходил по городу и наткнулся на замечательных ребят из газеты «Архангельский комсомолец» — самой популярной в городе. И выпили мы с ними немножко коньяку. А потом они меня погрузили в поезд. Я заснул мертвецким сном. Поезд 200 километров проходит там за 9 часов, небыстро идет, больше стоит. Как раз переночевал и к утру прибыл туда, куда надо. В купе я ехал с Еленой Степановной Сопляковой

и другими. Утром она говорит: муж меня будет встречать, мы дальше в Карпогоры, и если у него будет машина... Я говорю: ничего, я пешком. Она: да тут ведь шесть километров! Еще и по грязи! И поскольку она по грязи имела свою машину, то они меня привезли к себе домой. Деваться мне больше некуда было. Пригтели, помогали, в баню водили. Хорошие люди. И так везде. У первого человека, которого я встречал в деревне, и останавливался. Хотя я повез туда спальный мешок... Не понадобился.

У Сопляковых было хорошо, но мне дальше надо ехать. В Вержоле меня за Пинегу в лодке перевез случайный попутчик. А потом до Летопола — на мотоцикле. Он раз пять за шесть километров останавливался: чинил свечу, выкручивал, обматывал резьбу платком носовым, чтобы не сифонил...

Доехали все-таки. Вещи, конечно, у него и оставляю. А где тут, спрашиваю, найти бабушек, которые поют? Как бы я такую задачу себе поставил. Он говорит: «Вот Татьяна Павловна поет». Я и пошел к ней. Прихожу, вижу — такая смешная и всего боится. Всего! Спрашиваю, было ли в ее жизни хорошее. «Да, говорит, — было. Как в войну замирились». — «А плохое?» — «А не знаю, вдруг еще обидятся, вдруг нельзя говорить». — «А поете!» — «Пою», — говорит. «Ну, давайте, пойте мне». Она мне спела две песни. «Кто, — спрашиваю, — еще поет?» — «А Ефимия Ивановна. Вон она, гребет се-

но». Я подошел, и у меня прямо со «здравствуйте» начинается интервью, которое вошло в передачу почти целиком. Эта бабушка — царская прямо. Так мы с ней подружились, пошли к ней в дом. Она рассказала за три минуты свою жизнь, несчастья все свои... Но оптимистическая. Там, возможно, все слова понятны только опытному уху: специфический говор северный. Они там разговаривают очень быстро. Ефимия и говорит: «Я пою, но мы втроем лучше будем. Давайте еще Катерину Ивановну позовем». И с ней тоже подружился немедленно, потому что Екатерина Ивановна — очень бойкая бабушка. Сели. Ефимия Ивановна достала бутылочку — не я, а она. Они выпили по рюмочке и запели.

— Сколько времени нужно, чтобы сделать передачу?

— Две передачи я сделал за два полных дня. Люди самоигральные. Все выпивают по две — по четыре газеты до сих пор, все знают, за всем следят. Телевизор у них, как у Горбачева в Форосе, — ничего не видно. Но зато, объяснила мне Екатерина Ивановна, слышно хорошо. От бабок я поехал в Вержокольский монастырь, где познакомился с настоятелем, симпатичным, крестьянским. Оттуда снова перевезли меня за Пинегу, и пехом дошел я до тракта. Это километров шесть-семь. Часа три прождал машину. Вот за это время две прошли, и обе в другую сторону. А первая, которая шла в мою, остановилась, и мужик меня до-



вез до самого загса. Так я попал на свадьбу. Аккумуляторов, на которых видеокамера работает, оставалось на пятнадцать минут. Поэтому свадьба у меня снята не очень обильно. Но звук хороший. Я же вам говорю — витализм!

— А женились какие-то знакомые вам люди?

— Все незнакомые. Ваня и Наташа Житовы. Отснял, сколько мог, и пошел домой заряжать батарею. А за мной тут же гонец — обижается, говорит, дайте обратно. Я и пошел. Никто пьяным не был, все пели и плясали. С одной из певуний Алевтины Заверниной мы еще потом поговорили. И она мне персонально спела песню «Ванька-ключник». Еще услышал там такой разговор. Парень хорится: мы себя еще покажем, какие мы крепкие. А певунья ему: как же, покажешь, хероват по пляске-то. В том смысле, что плясать не умеет. Хотел из передачи убрать. Потом решил: пусть будет, такие слова редко услышишь. И узнать-то их нельзя — так благородно звучат.

А вот с третьей передачей сложней всего было — очень много материала. Там про икону, с которой старуха голая ходила вокруг дома, оберегая его от пожара. А как иконы не стало — дом и сгорел. Это тоже чистый факт, отдала-то она эту икону мне, двадцать пять лет назад. А сейчас приехал я туда на аэроплане водном. Вылез — гора вот такой крутизны. Красота! Я поднимаюсь — никакой деревни нет. Сел на бугор, думаю: не может же быть, чтобы деревни не было, раз меня высадили здесь. Пошел по проходам, углубился в жуткий лес. Жара, солнце греет. Сапоги сползают, вернее, носки... Я поворачиваюсь, иду обратно. Прошел еще три метра, и деревня прямо как на ладони — хлоп! — вся. Как средневековый город, обнесена околком. Компактно стоит, и часовня начала семнадцатого века. Пизанская башня по сравнению с ней вертикальна, как отвес. Крыльцо отвалилось. Говорят, что уже лес выпсали, да кому ремонтировать-то, мужиков нет. Когда повалится — тогда сразу всю соберут.

...А с горы видно километров на тридцать: река, где-то далеко — коровы. Стол стоит на самом угоре, отсюда вся красота видна. Лавка с одной стороны. А под столом три-четыре пробки водочные, не больше. То есть люди не просто выпивают, а на просторе.



Ночевал, конечно, опять у того, кого первым встретил. Люди добрые, незамутненные — Люба и Гена Колобовы. Люба — почтальон, Гена — механизатор, красивый мужик. Полный дом зверья. Сидим вечером, разговариваем. Вспомнили летающие объекты, НЛО. Я сказал, что никакого НЛО нет, потому что никакие свидетельства. Люба говорит: ну нет, так нет. Они там все достойные такие, не спорят.

Поселили меня в отдельную комнату. Я на высокой кровати лежу, жарко, дверь открыл, в окошко выглянул. А темнота стоит кромешная. Буря столб положила, теленка убила — электричества нет. И вдруг вижу над горизонтом яркую светящуюся точку, которая движется. Вот они, думаю, наконец великие кадры про НЛО! Хаатаю камеру — и на крыльцо. Естественно в трусах. А сентябрь, моросит, нежарко. Глянул я этот объект, возвращаюсь к двери — а она закрыта на крючок изнутри. Постучал, Люба вышла. Я говорю: «Понимаете, Люба, у нас НЛО». И показываю: видите — движется! Она говорит: «Так ветер, вот и движется. Это же фонарь. Он у нас сзади на вес само...». Вот такая история у меня была с НЛО.

— Смешно. Главная, невероятно, что вам этот «НЛО» удалось в передаче показать. Так здорово видно.

— Ну передачу в Москве я уже не один делаю. Тут кончается «сам себе телевидение». Мне классные ребята помогают в REN-TV, очень хорошие специалисты — ассистент режиссера Валерий Батясов и видеоинженеры Вячеслав Артюхов и Алексей Маслов. Они этот фонарь на экран выводят.

— Мне вообще-то приходилось видеть, как работают телевизионщики на съемках: один камеру ставит, другой за звуком следит, третий картинку выбирает... Ну — человек-оркестр.

— Микрофон я иногда держу в руках и протягиваю, сколько могу достать: одна рука с камерой, другая — с микрофоном. Ногой ничего нежимаю и ни во что не стучу. С механизаторами разговаривал, так я им еще цеплял «петличку». А одному, самому говорливому, положил магнитофон в карман. Поэтому, где бы он у меня ни говорил, очень хорошо записался. Механизаторы эти рассказывали про бартер. Денег нет, так им там «по бартеру» платят. Один раз зарплату выдали «Вискасом». Мужики стали его есть, говорят, послать невозможно, так ничего. А потом, как один сказал, «шерсть стала на ушах расти». Смотрят, а это ж для котов! А уж съели половину к этому времени. Другим на лесоповале дали зарплату «Тампексом». А женщины-то там вообще не работают.

Власть несут со страшной силой. У мужика восемь детей, он штанов купить не может! И лес там весь вырубил, река обмелела. По весне еще можно приехать на барже, а потом? В сентябре, ну в октябре самое позднее, снег ложится и в мае сходит. Шел я там по дороге и все Ильича вспоминал. Правильно он говорил: мало и плохо знаем мы народ.

Беседу вел Татьяна ЛУКАШИНА.